

A man and a woman are standing in a snowy city street at night. The man, on the left, is seen from the back, wearing a dark coat and holding a book with 'A 9' on its cover and a cane. The woman, on the right, is in profile, wearing a dark dress and a hat with a veil. They are looking across a frozen body of water towards a city with lit-up buildings and street lamps. Two birds are flying in the sky above them. The scene is filled with falling snow.

Владимир Кожедеев

**Дело чести
Алексея и Софьи**

An Ace of Spades playing card is visible in the bottom right corner of the image.

Владимир Кожедеев
Дело чести Алексея и Софьи

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Дело чести Алексея и Софьи / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Это детективная история переходящая любовь между главными героями Алексеем и Софьей, которая родилась в самом тёмном городе — и победила тьму. Алексей Воронов, титулярный советник, и Софья Лисицына, шляпница, знали друг друга с детства. Они играли вместе на задворках Семёновского полка, читали стихи, мечтали о будущем. Но жизнь развела их: он стал чиновником, она вышла замуж за поручика и овдовела. Когда Алексей попадает в беду — его втягивают в шайку мошенников, — он обращается за помощью к Софье. Она не отказывает. Вместе они начинают опасное расследование, которое сближает их сильнее, чем годы дружбы. Это роман о том, как любовь помогает выжить. О том, как два человека, потерянные в холодном городе, находят друг друга — и себя. О том, как правда побеждает — даже когда кажется, что надежды нет.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо вступления.	5
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Кожедеев

Дело чести Алексея и Софьи

Вместо вступления.

Заметка из газеты «Вчера, около трёх часов пополудни, на Невском проспекте, близ Пассажа, произошёл прискорбный случай. Незнакомый господин, назвавшийся князем Мышкиным-вторым, был уличён в мошенничестве коллежским регистратором П. И. Курочкиным. Господин Курочкин, человек почтенный, но, по всей видимости, несколько доверчивый, утверждал, что сей "князь" неделю назад выманил у него триста рублей под предлогом родственных чувств. Полиция, прибыв на место, не нашла в происшествии состава преступления, ибо "князь" предъявил документы, удостоверяющие его личность, а господин Курочкин не смог представить ни расписки, ни свидетелей. Дело было закрыто. Господин Курочкин удалился в расстроенных чувствах, грозясь "дойти до самого генерал-губернатора". Редакция же напоминает читателям: будьте бдительны, ибо мошенники не дремлют».

На Хитровке — этом чреве Петербурга, где ночлежки теснились друг к другу, как сельди в бочке, где воздух был пропитан запахом щей, водки и немытого тела, — новость о Курочкине разнеслась быстрее, чем пожар по сухой траве.

— Слышал, братцы? Опять эти «князья» объявились, — говорил рябой мужик с перебитым носом, по кличке Кирпич, сидя на корточках у ночлежки «У Кулака». — Регистратора какого-то обчистили. Триста рублей! Да за такие деньги я бы сам кого хошь обчистил!

— Триста рублей — тьфу, — сплюнул худой человек с бегающими глазами, по кличке Шмыга. — Вот ежели бы ты, Кирпич, знал, какие дела у Ланского бывают... Там не триста рублей, там тыщи летят. Вдовы, генеральши, княгини... Все плачут, все дают. А почему? Потому что ум у них есть. Не то что у нас, грешных.

— А кто такой Ланский? — спросил молодой парень, только что попавший на Хитровку и ещё не потерявший надежды вырваться отсюда.

Кирпич и Шмыга переглянулись. Шмыга наклонился к парню и прошептал:

— Ты, малый, помалкивай. Ланский — это не человек. Это... система. Понял? Система. И ежели ты в неё попадёшь — не выберешься.

Парень ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

А на другом конце Хитровки, в трактире «Три пескаря», сидел человек в тёмном сюртуке и читал ту самую заметку из «Ведомостей». Человек улыбнулся. Улыбка была холодной, как петербургский ветер в январе.

— Курочкин, — произнёс он вслух. — Пётр Иванович. Надо запомнить.

Он достал из кармана маленькую записную книжку в сафьяновом переплёте, открыл её и записал: «Курочкин П. И., коллежский регистратор. Склонен к скандалам. Потенциальная угроза. Наблюдать».

Человека этого звали Михаил Ланский. И он был не просто мошенником. Он был художником. Художником обмана.

Пётр Иванович Курочкин родился в семье мелкого чиновника, который всю жизнь мечтал о генеральском чине, но дослужился лишь до титулярного советника и умер, так и не увидев желанного мундира. Пётр Иванович унаследовал от отца три вещи: ветхий сюртук, вечное перо и мечту о лучшей жизни.

Служил он в канцелярии Министерства путей сообщения, в самом дальнем углу, за шкафом, где пахло пылью и мышами. Жалование — сорок два рубля в месяц. На эти деньги можно

было снять комнату в доходном доме на Лиговке, пообедать в дешёвой столовой и раз в неделю выпить рюмку водки в трактире. О богатой невесте Пётр Иванович мог только мечтать.

Он мечтал. Долго. Каждую ночь, лёжа на продавленном диване под тулупом, он представлял себе, как входит в бальный зал, как дамы в кружевах смотрят на него с восхищением, как он говорит: «Позвольте пригласить вас на мазурку», и как самая красивая, самая богатая, самая недоступная девица отвечает: «С удовольствием, Пётр Иванович».

Мечты были сладкие, как сахарная голова. Реальность — горькая, как хина.

В то утро, Пётр Иванович шёл по Невскому проспекту. Был он в своём единственном приличном сюртуке, вычищенном до блеска, но с заплатой на локте, которую он тщетно пытался скрыть, прижимая руку к телу. Настроение было скверное: вчера он получил выговор от начальника отделения за то, что перепутал номера дел. Тридцать копеек вычета из жалования. Обидно.

Он остановился у витрины ювелирного магазина на углу Невского и Большой Морской. За стеклом — золотые кольца, серьги с рубинами, брошь с изумрудом. Цены — как звёзды на небе: далеко и недостижимо. Пётр Иванович вздохнул.

— Милостивый государь!

Голос был мягкий, вкрадчивый, как бархат. Пётр Иванович обернулся.

Перед ним стоял господин лет сорока, высокий, стройный, в чёрном цилиндре и пальто с бобровым воротником. Лицо — благородное, с тонкими чертами, с лёгкой сединой на висках. Глаза — серые, умные, с искоркой. Улыбка — обезоруживающая.

— Простите, что беспокою, — сказал господин, — но вы поразительно похожи на моего покойного брата. Прямо как две капли воды. Позвольте представиться: князь Мышкин-второй, Лев Николаевич. А вас как величать?

Пётр Иванович растерялся. Князь? Настоящий князь? К нему, коллежскому регистратору, обращается настоящий князь?

— Курочкин, — пролепетал он. — Пётр Иванович. Коллежский регистратор.

— Пётр Иванович! — воскликнул князь, и в глазах его заблестели слёзы. — Какое совпадение! Моего брата тоже звали Петром. Петром Ивановичем. Он умер три года назад. Тиф. В Сибири. Я до сих пор не могу прийти в себя.

Пётр Иванович почувствовал, как в груди что-то сжалось. Он тоже терял близких. Он знал, как это больно.

— Соболезную, — сказал он тихо.

— Спасибо, голубчик, — князь промокнул глаза платком. — Спасибо. Вы так похожи на него... И лицом, и манерами. Даже голос похож. Позвольте угостить вас обедом? В «Дюме»? Там готовят отличные устрицы. Я сегодня один, и мне так тоскливо...

Пётр Иванович колебался. С одной стороны — неудобно как-то. С другой — «Дюме»! Это же ресторан для богатых! Он там никогда не был. И устрицы... Он никогда не пробовал устриц.

— Ну что вы, право, — сказал князь, беря его под руку. — Пойдёмте. Один обед — что тут такого? Мы ведь почти родственники. Вы — как мой брат. Пойдёмте!

И Пётр Иванович пошёл.

Ресторан «Дюме» на Мойке был местом, где собиралась петербургская знать. Зеркала, хрусталь, ковры, лакеи во фраках. Пётр Иванович вошёл и оробел. Он чувствовал себя чужим на этом празднике жизни.

Князь, напротив, чувствовал себя как рыба в воде. Он заказал отдельный кабинет, устриц, шампанского, рябчиков, ананасы в шампанском. Лакеи сновали вокруг, как пчёлы.

— Кушайте, голубчик, кушайте, — говорил князь, подкладывая ему устриц. — Вы такой худой. Это от бедности, да? Я знаю, что такое бедность. Я сам был бедным. Потом разбогател. Теперь помогаю людям. Вот вы ведь нуждаетесь?

Пётр Иванович покраснел.

— Ну, не то, чтобы нуждаюсь... — пробормотал он. — Живу скромно. Но не жалуюсь.

— Скромно! — князь всплеснул руками. — Это ужасно! Молодой человек, полный сил, и живёт на сорок рублей в месяц! Это возмутительно! Вы должны жить лучше. Вы должны блистать. Вы должны...

Он наклонился ближе и прошептал:

— Я могу вам помочь. У меня есть связи. Есть знакомые. Богатые вдовы, которые ищут... компаньонов. Умных, порядочных, обходительных. Вы — именно такой. Хотите, я вас познакомлю?

Пётр Иванович замер. Богатые вдовы? Компаньоны? Это то, о чём он мечтал!

— Но у меня нет приличного костюма, — сказал он упавшим голосом. — И манер... Я не умею...

— Пустяки! — князь махнул рукой. — Костюм я вам дам. Манерам научу. Всё будет хорошо. Только...

Он замолчал. Лицо его стало печальным.

— Что? — спросил Пётр Иванович.

— Только у меня самого сейчас трудная ситуация, — князь вздохнул. — Я в Петербурге проездом. Деньги должны прийти из имения, но задержались. Мне нужно триста рублей. До завтра. Вы не могли бы одолжить? Я верну с процентами. Клянусь честью!

Пётр Иванович задумался. Триста рублей — это всё, что у него было. Все сбережения. Он копил их два года. Но князь... настоящий князь. Он предлагает помощь. Он вернёт. Обязательно вернёт.

— Хорошо, — сказал Пётр Иванович. — Я одолжу.

Князь просиял.

— Голубчик! — воскликнул он, обнимая Петра Ивановича. — Вы спасли меня! Завтра я всё верну. И познакомлю вас с вдовой. С генеральшей. Она богата, как Крез. И одинока. Вы ей понравитесь. Я уверен.

Пётр Иванович отдал деньги. Князь написал расписку на салфетке (настоящей бумаги не было), поцеловал его в щёку и ушёл.

Пётр Иванович остался в кабинете один. На столе — остатки ужина, пустые бутылки, счёт на сто двадцать рублей. Он заплатил и за обед. Потом пошёл домой.

Ночью он не спал. Мечтал. О богатой вдове. О новой жизни. О том, как завтра князь вернёт деньги и всё изменится.

На следующий день Пётр Иванович пришёл на условленное место — к гостинице «Европейская», где остановился князь. Портной сказал, что князь съехал ещё ночью. Куда — неизвестно.

Пётр Иванович похолодел. Он бросился в полицию. Там его выслушали, записали, зевнули и сказали:

— Расписка на салфетке? Нет, батенька, это не документ. Ищите сами. У нас дел полно.

Пётр Иванович искал. Он ходил по улицам, заглядывал в трактиры, спрашивал у извозчиков. Всё было тщетно. Князь Мышкин-второй исчез, как туман.

Через неделю, Пётр Иванович шёл по Невскому. Он похудел, осунулся, под глазами были тёмные круги. Он потерял всё: деньги, надежду, веру в людей.

И вдруг он увидел его.

Князь. В новом пальто. С новой жертвой под руку. Молодая дама в шляпке с пером, с муфтой, с бриллиантовыми серьгами. Князь что-то говорил ей, улыбаясь. Она смеялась.

Пётр Иванович бросился к нему.

— Ваше сиятельство! — закричал он. — Князь! Вы мне должны!

Князь обернулся. Лицо его осталось спокойным. Он посмотрел на Петра Ивановича, как на незнакомца.

— Простите, — сказал он холодно. — Вы меня с кем-то путаете. Я — князь Мышкин-второй. А вы, простите, кто?

— Как кто?! — Пётр Иванович схватил его за рукав. — Вы! Вы одолжили у меня триста рублей! В «Дюме»! Вы сказали, что я похож на вашего брата!

Князь брезгливо отстранился.

— Милостивый государь, — сказал он, — вы, вероятно, пьяны или безумны. Я вас впервые вижу. Извольте отпустить мой рукав, или я позову полицию.

Дама в шляпке испуганно отшатнулась. Прохожие начали оборачиваться. Пётр Иванович почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Но — лепетал он. — Расписка... Я...

— Какая расписка? — князь усмехнулся. — У вас есть бумага? Свидетели? Нет? Тогда прощайте, милостивый государь. И советую вам лечиться. У вас, очевидно, расстройство ума.

Он повернулся и пошёл прочь. Дама поспешила за ним. Пётр Иванович остался стоять посреди Невского, как столб. Вокруг шумела толпа, ехали экипажи, светило солнце. А он стоял и чувствовал, как внутри что-то умерло.

Вечером Пётр Иванович сидел в трактире на Лиговке. Перед ним стояла бутылка водки, наполовину пустая. Он пил, но не пьянел. Горе было слишком сильным.

— Эй, барин, — окликнул его сосед, мужик в рваном тулупе. — Ты чего такой кислый? Деньги потерял?

Пётр Иванович поднял на него мутный взгляд.

— Потерял, — сказал он. — Всё потерял. И деньги, и веру в людей.

— А кто обманул-то?

— Князь. Мышкин-второй. Сказал, что я похож на его брата. Обещал познакомить с богатой вдовой. А сам...

Мужик вдруг расхохотался.

— Князь! — закричал он. — Мышкин! Ой, барин, насмешил! Да это же Ланский! Михаил Ланский! Он не князь. Он мошенник. Самый известный в Питере. Уже пять лет промышляет. И вдовы у него есть, и генеральши. Только не для тебя, а для себя. Он их обирает, а ты просто очередной дурак.

Пётр Иванович замер.

— Ланский? — переспросил он. — Не князь?

— Какой там князь! — мужик махнул рукой. — Сын портного. Из Одессы. Приехал сюда, назвался князем, и пошло-поехало. У него целая шайка. Шустов, Гришка-Косой, ещё кто-то. Они вдов обирают. Тех, что побогаче. И таких, как ты, дураков, тоже. Только ты для них — мелкая сошка. Тьфу.

Пётр Иванович слушал, и в голове его что-то щёлкало. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Как счётчик в канцелярии.

Ланский. Шайка. Система.

Он вспомнил всё: обед в «Дюме», слёзы князя, его рассказы о брате, его обещания. Всё было ложью. Всё было спектаклем. И он, Пётр Иванович Курочкин, коллежский регистратор, был в этом спектакле не зрителем, а жертвой. Одной из многих.

Он вышел из трактира. Ночь была холодная, туманная. Петербург спал. Только где-то вдалеке лаяли собаки.

Пётр Иванович поднял голову к небу. Звёзд не было видно. Только туман, серый и бесконечный, как его жизнь.

И тогда он поклялся.

— Я найду тебя, Ланский, — прошептал он. — Я найду тебя и всех твоих подельников. Я разоблачу вас. Чего бы это ни стоило. Клянусь.

Он не знал, как это сделает. Он не знал, хватит ли у него сил. Но он знал одно: он не остановится. Потому что если он остановится, то всё, что он пережил, будет напрасным. А напрасной жизни он не хотел.

Он хотел справедливости.

Заметка из газеты «Голос», 20 октября 18-- года.

«На днях в редакцию явился господин, назвавшийся коллежским регистратором П. И. Курочкиным, и сообщил о существовании в Петербурге организованной шайки мошенников, действующих под видом титулованных особ. По словам господина Курочкина, шайка специализируется на обмане богатых вдов и одиноких дам, выманивая у них деньги путём шантажа и ложных обещаний. Редакция, проверив некоторые из сообщённых сведений, нашла их заслуживающими внимания. Мы призываем читателей быть бдительными и сообщать о подобных случаях в редакцию. Дело сие обещает быть громким».

В это время на Хитровке.

— Слышал? Курочкин-то в газету написал!

— В «Голос»? Ну, теперь держись, Ланский!

— Тише ты! Услышит кто...

— А что? Правду говорю. Курочкин — мужик упёртый. Я его видел. Он теперь по всему Питеру ходит, расспрашивает. Про Ланского. Про Шустова. Про всех.

— И что, нашли?

— Пока нет. Но найдут. Курочкин — он как собака. Ежели вцепится — не отпустит.

— А Ланский?

— А что Ланский? Ланский смеётся. Говорит: «Пусть ищет. Мне-то что? У меня связи. У меня покровители. Меня не тронут».

— Покровители? Кто?

— А кто его знает. Говорят, сам князь Бельский. Из министерства. Важная птица. Так что Курочкину не позавидуешь.

— Ну, посмотрим. Посмотрим, чем дело кончится.

— А чем кончится? Либо Курочкин Ланского за бороду схватит, либо Ланский Курочкина в сумасшедший дом упрячет. Одно из двух.

— Ставлю на Ланского.

— А я на Курочкина. Он хоть и простофиля, но честный. А честность, братцы, — сила.

— Ой ли? В наше-то время?

— В наше время, братцы, честность — это единственное, что осталось. Всё остальное продали.

Письмо Петра Ивановича Курочкина в редакцию газеты «Голос»

«Милостивые государи!

Пишу вам по совету одного знакомого, который сказал, что вы можете помочь. Меня обманул человек, назвавшийся князем Мышкиным-вторым. Настоящее его имя, как я узнал, — Михаил Ланский. Он выманил у меня триста рублей, а теперь смеётся мне в лицо. Но дело не в деньгах. Дело в том, что он и его шайка обирают вдов, сирот, людей честных и доверчивых. Я знаю, что я не первый и не последний. Но я хочу быть тем, кто остановит это.

Я не знаю, как это сделать. Я не богат, не знатен, не имею связей. Но я знаю одно: я не остановлюсь. Я буду искать. Я буду добиваться. Я буду бороться.

Прошу вас, милостивые государи, напечатать это письмо. Пусть люди знают: есть в Петербурге человек, который не боится. Пусть Ланский знает: я его найду.

С уважением,

коллежский регистратор Пётр Иванович Курочкин.

P.S. Если кто-то из читателей знает что-либо о Ланском или его подельниках, прошу сообщить в редакцию. Вместе мы сильнее».

Пётр Иванович Курочкин не был героем. Он был обычным человеком. Маленьким, незаметным, как тысячи других чиновников в тысячах канцелярий. Но в тот день, когда он поклялся разоблачить Ланского, он стал чем-то большим.

Он стал символом.

Символом того, что даже в самом тёмном городе, в самое тёмное время, найдётся человек, который зажжёт свечу. И эта свеча осветит путь другим.

Петербург был городом контрастов. Блеск и нищета, добро и зло, правда и ложь — всё смешалось здесь, как в гигантском котле. И в этом котле варились судьбы людей: мошенников и их жертв, следователей и преступников, честных и продажных.

Пётр Иванович Курочкин был лишь одним из многих. Но именно с него всё началось. Именно он зажжёт ту искру, которая через годы превратилась в пламя.

Пламя правосудия.

Пламя возмездия.

Пламя, в котором сгорела шайка Ланского и все, кто им покровительствовал.

Но это было потом. А пока...

Пока Пётр Иванович Курочкин стоял на набережной Фонтанки, смотрел на тёмную воду и думал о том, что делать дальше. Он не знал, что его путь только начинается. Он не знал, что впереди — годы борьбы, опасностей, потерь и побед.

Он знал только одно: он не сдастся.

«В Петербурге туман скрывает многое. Но правда всегда найдёт путь к свету. Даже если для этого потребуется жизнь обычного коллежского регистратора, который однажды решил, что с него хватит».

Глава 1

Санкт-Петербург 1870-х годов был городом, который невозможно было постичь с первого взгляда. Он был как дорогая шкатулка с двойным дном: сверху — бархат, золото, бриллианты, а внизу — гниль, плесень и крысиные норы.

На Невском проспекте, этой главной артерии империи, по вечерам зажигались газовые фонари, и свет их дрожал на мокром асфальте, как отражение в разбитом зеркале. Экипажи катили один за другим, и в окнах их мелькали лица: бледные, накумаренные, уставшие. Дамы в шелковых платьях, господа во фраках, офицеры в мундирах с иголки — все они спешили куда-то, все они что-то искали: любви, денег, забвения.

А в двух шагах от этого блеска, за углом, начинались трущобы. Лиговка, Хитровка, Сенная площадь — там не было газа, там были керосиновые лампы, чадившие и коптившие. Там жили те, кто не мог позволить себе даже приличного обеда. Там торговали краденым, продавали себя, умирали от чахотки и голода. И там, в этой тьме, находили себе приют те, кто жил обманом: мошенники, воры, шулеры, аферисты всех мастей.

Петербург был городом контрастов, но не только социальных. Он был городом контрастов моральных. Здесь добро и зло не просто сосуществовали — они переплетались, как нити в гобелене, и порой невозможно было отличить одно от другого. Честный чиновник мог оказаться взяточником. Блестящий офицер — трусом. Благородная дама — содержательницей притона. И наоборот: вор мог проявить благородство, а мошенник — щедрость.

В этом городе всё было возможно. И всё было обманом.

Был октябрь 1876 года. Осень в Петербурге — это не просто время года. Это состояние души. Небо затянуто серой пеленой, из которой день и ночь сеет мелкий, противный дождь. Ветер с залива пронизывает насквозь, и никакое пальто не спасает. Туман поднимается с каналов и каналов, окутывая улицы, скрывая лица, стирая границы между реальностью и кошмаром.

В такой вечер хорошо сидеть дома, у печки, с чашкой горячего чая и книгой. Но не у всех был дом. И не у всех была печка. И не у всех был чай.

Алексей Дмитриевич Воронов, титулярный советник, возвращался домой с работы. Он шёл пешком — на извозчика не было денег — по набережной Фонтанки, и дождь хлестал его по лицу, как плёткой. Воротник пальто намок, ботинки промокли, и в них хлюпало. Алексей Дмитриевич не замечал этого. Он думал.

Думал о том, что сегодня опять получил выговор. Думал о том, что жалование его — шестьдесят рублей в месяц — не хватает даже на приличную комнату. Думал о том, что ему двадцать восемь лет, а он всё ещё никто: не женат, не богат, не знатен. Думал о том, что жизнь проходит мимо, а он стоит на месте, как столб, вкопанный в землю.

Он остановился у перил набережной и посмотрел на воду. Фонтанка была тёмной, как чернила. В ней отражались огни фонарей, и казалось, что там, в глубине, живёт другой город — перевернутый, искажённый, но, может быть, более справедливый.

Он вздохнул. Вздох получился горьким, как полынь.

Алексей Дмитриевич Воронов родился в семье мелкого чиновника, служившего в Сенате. Отец его, Дмитрий Петрович, был человеком честным, но бедным, и всю жизнь мечтал о том, чтобы сын его пошёл по его стопам: стал чиновником, дослужился до приличного чина, женился на дочери коллеги, жил тихо и умер в кругу семьи.

Алексей Дмитриевич не хотел такой жизни. Он хотел большего. Он хотел славы, богатства, приключений. Он хотел, чтобы его имя знали, чтобы его уважали, чтобы дамы падали в обморок от одного его взгляда. Он хотел жить, а не существовать.

Но реальность была беспощадна. Окончив юридический факультет Петербургского университета с отличием, Алексей Дмитриевич поступил на службу в Министерство юстиции. Жалование — шестьдесят рублей. Перспективы — туманные. Начальство — тупое и самодовольное. Коллеги — серые и безликие.

Алексей Дмитриевич снимал комнату в доходном доме на углу Гороховой и Садовой. Комната была маленькая, с одним окном, выходившим во двор-колодец. В комнате стояли: железная кровать, стол, два стула, шкаф для одежды и этажерка с книгами. На стенах — ничего. На полу — вытертый коврик. На окне — горшок с геранью, которую он забывал поливать.

Алексей Дмитриевич был высок, строен, с тёмными волосами и серыми глазами. Черты лица — правильные, но не запоминающиеся. Он не был красавцем, но и не был уродом. Он был обычным. Именно это его и угнетало больше всего: он был обычным, как тысячи других, и ничего не мог с этим поделать.

Он был честен. Не потому, что был святым, а потому, что не умел врать. Врать было противно. Он пробовал — в детстве, в юности, — но каждый раз краснел, путался, и всё выходило наружу. Так что он бросил это дело и решил: буду честным. Не потому, что это выгодно, а потому, что это проще. И, может быть, потому что в глубине души он верил: честность когда-нибудь вознаградится.

Пока что она не вознаграждалась.

В тот вечер, 12 октября, Алексей Дмитриевич решил зайти в трактир. Не потому, что хотел пить, а потому, что не хотел идти домой. Дома было холодно, пусто и тоскливо. В трактире — тепло, шумно, и можно было на время забыться.

Трактир назывался «Три пескаря». Он находился на углу Садовой и Никольской, в подвальном этаже старого дома. Это было заведение средней руки: не для аристократов, но и не для босых. Здесь собирались чиновники, купцы, мещане, студенты — все те, кто не мог позволить себе ресторан, но не хотел пить водку в подворотне.

Алексей Дмитриевич вошёл, стряхнул воду с пальто, повесил его на гвоздь у входа и сел за свободный столик в углу. Заказал щи, пирог с капустой и чай. Не водку — водку он не любил. Она туманила голову, а он хотел ясности.

Трактир был полон. За столами сидели люди: кто-то ел, кто-то пил, кто-то спорил, кто-то смеялся. Пахло щами, кислой капустой, табаком и потом. Где-то в углу кто-то играл на гармонии — тоскливо и фальшиво.

Алексей Дмитриевич ел щи и думал. Думал о том, что завтра опять на службу. Думал о том, что начальник отделения — дурак. Думал о том, что жизнь не удалась. Думал о том, что хорошо бы выиграть в лотерею. Или получить наследство. Или найти клад.

Он так задумался, что не заметил, как за соседний столик сел человек.

Человек был элегантен. Даже слишком элегантен для этого трактира. На нём было пальто с бобровым воротником, цилиндр, трость с серебряной ручкой. Лицо — благородное, с тонкими чертами, с лёгкой сединой на висках. Глаза — серые, умные, с искоркой. Улыбка — обезоруживающая.

Он сел за столик, снял цилиндр, положил его на стол, заказал устриц и шампанского. Лакей вытаращил глаза: в «Трёх пескарях» устриц не было. Но человек только усмехнулся и сказал:

— Тогда принесите что-нибудь попроще. И бутылку мадеры.

Лакей убежал. Человек огляделся по сторонам и остановил взгляд на Алексее Дмитриевиче.

— Простите, — сказал он, — вы не подскажете, который час? Мои часы, кажется, отстают.

Алексей Дмитриевич вздрогнул от неожиданности. Он вынул из кармана свои часы — старые, серебряные, доставшиеся от отца, — и посмотрел на них.

— Половина восьмого, — сказал он.

— Благодарю, — человек улыбнулся. — Позвольте представиться: Михаил Александрович Ланский. К вашим услугам.

— Воронов, — ответил Алексей Дмитриевич. — Алексей Дмитриевич.

— Очень приятно, Алексей Дмитриевич. Вы позволите? — Ланский указал на стул напротив.

Алексей Дмитриевич растерялся. Он не привык к такому обхождению. Обычно с ним никто не заговаривал, а если и заговаривал, то только чтобы попросить закурить или одолжить гривенник. А тут — элегантный господин, с тростью, с манерами. И хочет сесть за его столик.

— Пожалуйста, — сказал Алексей Дмитриевич.

Ланский сел. Лакей принёс мадеру и закуску. Ланский налил себе и Алексею Дмитриевичу.

— За знакомство, — сказал он, поднимая бокал.

Алексей Дмитриевич выпил. Мадера была хороша — он такой никогда не пробовал.

— Вы, я вижу, человек служивый? — спросил Ланский, оглядывая его сюртук.

— Да, — ответил Алексей Дмитриевич. — В министерстве юстиции.

— Юстиция! — Ланский просиял. — Прекрасно! Значит, вы человек закона. А я, представьте, тоже имею дело с законом. Я — коммерсант. Веду дела с разными людьми. И часто мне нужны... консультации. Юридические. Вы не могли бы мне помочь? Разумеется, не бесплатно.

Алексей Дмитриевич насторожился. Он не любил таких предложений. Обычно они заканчивались либо взяткой, либо подлогом.

— Я не знаю, — сказал он осторожно. — Я всего лишь титулярный советник. Мой опыт...

— Опыт — дело наживное, — перебил его Ланский. — Главное — голова. А голова у вас, я вижу, светлая. Вы, простите, давно служите?

— Четыре года.

— И много зарабатываете?

Алексей Дмитриевич покраснел.

— Шестьдесят рублей.

— Шестьдесят! — Ланский всплеснул руками. — Это же нищета! Как можно жить на такие деньги? Вы, верно, снимаете комнату в каком-нибудь доходном доме? Едите щи в трактирах? Носите заплатанное пальто?

Алексей Дмитриевич молчал. Всё это было правдой. И от этого было ещё горше.

— Я могу вам помочь, — сказал Ланский тихо. — У меня есть знакомые. Богатые вдовы, одинокие дамы. Они ищут... компаньонов. Умных, порядочных, обходительных. Вы — именно такой. Хотите, я вас познакомлю? Разумеется, за вознаграждение. Но поверьте: оно того стоит.

Алексей Дмитриевич замер. Богатые вдовы? Компаньоны? Это... это то, о чём он мечтал!

— Но я не умею... — начал он.

— Научитесь, — Ланский улыбнулся. — Это проще, чем кажется. Главное — быть внимательным. Слушать. Кивать. Сочувствовать. Женщины любят, когда их слушают. Особенно одинокие. Особенно богатые. Они готовы платить за это. Много платить.

Алексей Дмитриевич колебался. С одной стороны — это было нечестно. С другой — а что, собственно, нечестного? Он будет просто слушать. Сочувствовать. Составлять компанию. За это платят. Разве это плохо?

— А что нужно делать? — спросил он.

— Ничего особенного, — Ланский пожал плечами. — Знакомиться. Общаться. Быть обаятельным. Узнавать их тайны. Семейные истории. Слабые места. А потом... — он сделал паузу, — потом мы вместе решим, как это использовать.

Алексей Дмитриевич нахмурился.

— Использовать? Как?

— Ну, — Ланский усмехнулся, — есть разные способы. Можно попросить денег взаймы. Можно напомнить о старой дружбе. Можно намекнуть на что-то. Главное — не перегибать. Женщины должны думать, что они сами хотят нам помочь. Что это их решение. Тогда они дадут всё: деньги, обеды, одежду. И даже не заметят, что их обобрали.

Алексей Дмитриевич похолодел.

— Это... это же мошенничество, — прошептал он.

— Мошенничество? — Ланский поднял бровь. — Нет, голубчик. Это бизнес. Мы не крадём. Мы берём то, что нам дают. Добровольно. Разве это преступление?

Алексей Дмитриевич молчал. Логика Ланского была ужасной, но в ней что-то было. Что-то, что цепляло. Что-то, что говорило: а ведь он прав. В конце концов, никто их не заставляет. Никто не приставляет нож к горлу. Они сами дают. Сами.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

— Подумайте, — Ланский кивнул. — Но недолго. У меня есть на примете одна дама. Генеральша Соколова. Вдова. Богата, как Крез. Одинока, как перст. Ищет компаньона. Вы — идеальный кандидат. Если согласитесь, завтра же я вас познакомлю.

Он встал, надел цилиндр, взял трость.

— Вот моя карточка, — сказал он, кладя на стол визитку. — Если надумаете — приходите. Я живу в гостинице «Европейская». Номер двенадцать. Буду ждать до пятницы.

И ушёл.

Алексей Дмитриевич остался сидеть. Перед ним стояла недопитая бутылка мадеры и тарелка с остатками закуски. На столе лежала визитка: «Михаил Александрович Ланский. Коммерсант». И телефон (которого в то время в Петербурге ещё не было, но в книге можно обыграть как «адрес для корреспонденции»).

Алексей Дмитриевич взял визитку и повертел её в руках. Потом положил в карман. Потом вынул. Потом снова положил.

Он не знал, что делать.

Было около десяти вечера. Трактир постепенно пустел. Алексей Дмитриевич расплатился и встал, чтобы уйти. Но не успел он сделать и двух шагов, как путь ему преградил человек.

Это был офицер. Молодой, красивый, но пьяный. Очень пьяный. Глаза его налились кровью, мундир был расстёгнут, на груди — пятно от вина. Он покачивался и смотрел на Алексея Дмитриевича злым, ненавидящим взглядом.

— Ты, — прошипел он. — Ты на меня смотрел?

Алексей Дмитриевич опешил.

— Простите?

— Ты смотрел! — заорал офицер. — Я видел! Ты смотрел на меня! Как на дерьмо! Ты, штафирка, смотрел на меня, поручика Ржевского, как на дерьмо!

Он схватил Алексея Дмитриевича за грудки и притянул к себе. Изо рта его разлило водкой.

— Отпустите, — сказал Алексей Дмитриевич, стараясь сохранять спокойствие. — Я на вас не смотрел. Я вас вообще не заметил.

— Не заметил?! — заревел офицер. — Меня? Поручик Ржевский — и не заметил?!

Он замахнулся, чтобы ударить. Алексей Дмитриевич закрыл глаза, ожидая боли. Но боли не последовало.

Он открыл глаза. Офицер стоял, но рука его была перехвачена. Перехвачена человеком в цилиндре. Ланским.

— Господин поручик, — сказал Ланский мягко, но с металлом в голосе. — Вы, кажется, устали. Вам нужно отдохнуть. Пойдёмте, я провожу вас.

Офицер попытался вырваться, но Ланский держал крепко. Он что-то шепнул офицеру на ухо, и тот вдруг обмяк, побледнел и позволил увести себя к выходу.

Ланский вернулся через минуту.

— Всё в порядке, — сказал он, улыбаясь. — Поручик ушёл. С ним всё будет хорошо. А вы, Алексей Дмитриевич, целы? Не ушиблись?

— Спасибо, — пробормотал Алексей Дмитриевич. — Вы меня спасли.

— Пустяки, — Ланский махнул рукой. — Я всегда рад помочь хорошему человеку. А вы — хороший человек, Алексей Дмитриевич. Я это вижу. Таких, как вы, мало. Очень мало.

Он помолчал.

— Так что? Вы подумали над моим предложением?

Алексей Дмитриевич смотрел на него. В голове его всё смешалось: страх, благодарность, сомнение, любопытство. И что-то ещё. Что-то, что говорило: а может, это шанс? Может, это судьба?

— Я согласен, — сказал он.

Ланский просиял.

— Вот и отлично! — воскликнул он. — Завтра в семь вечера. Генеральша Соколова. Я заеду за вами. Адрес знаете?

Алексей Дмитриевич кивнул.

— Тогда до завтра, — Ланский пожал ему руку. — И не волнуйтесь. Всё будет хорошо. Я о вас позабочусь.

Он ушёл. Алексей Дмитриевич остался стоять посреди опустевшего трактира. В голове у него шумело. Он не знал, правильно ли поступил. Но что-то подсказывало ему, что назад дороги нет.

На следующий день, ровно в семь, Ланский стоял у подъезда дома Алексея Дмитриевича. Он был в том же пальто с бобровым воротником, с той же тростью. Рядом с ним стояла карета — настоящая, с гербом на дверце.

— Садитесь, — сказал Ланский, открывая дверцу. — Нас ждут.

Алексей Дмитриевич сел. Карета тронулась. Они ехали по Невскому, потом свернули на Сергиевскую, потом ещё куда-то. Алексей Дмитриевич не запоминал дорогу. Он волновался.

— Кто она? — спросил он. — Генеральша Соколова?

— Вдова генерала Соколова, — ответил Ланский. — Умер пять лет назад. Оставил ей дом на Сергиевской, имение в Тверской губернии и капитал в банке. Она одна. Детей нет. Родственники — дальние, в Москве. Она ищет... друга. Компаньона. Кого-то, кто будет рядом. Кто выслушает. Кто посочувствует.

— И что я должен делать?

— Ничего особенного. Быть обаятельным. Говорить комплименты. Слушать её истории. Сочувствовать. Она любит рассказывать о муже. О том, как они жили. О том, как он умер. Это её слабое место. Если вы проявите интерес — она ваша.

Алексей Дмитриевич кивнул. Внутри у него что-то сжалось. Это было неправильно. Он чувствовал это. Но отступать было поздно.

Карета остановилась у особняка на Сергиевской. Двухэтажный, с колоннами, с лепниной, с окнами, залитыми светом. Алексей Дмитриевич вышел и посмотрел на него. Он никогда не бывал в таких домах.

— Идёмте, — Ланский взял его под руку. — И помните: улыбайтесь. Кивайте. Слушайте. И ни слова о деньгах. Пока.

Они вошли.

Генеральша Соколова оказалась женщиной лет пятидесяти, полной, с добродушным лицом и усталыми глазами. Она сидела в гостиной, в кресле у камина, и вязала. Рядом лежала книга — растрёпанная, с закладками. На столике — чашка чая, остывшего. В комнате пахло лавандой и пылью.

— Ах, Михаил Александрович! — воскликнула она, увидев Ланского. — Наконец-то! Я вас ждалась!

— Простите, Анна Петровна, — Ланский поцеловал ей руку. — Дела. Всё дела. Позвольте представить вам моего друга: Алексей Дмитриевич Воронов. Титулярный советник. Умница, добрейшей души человек.

Алексей Дмитриевич поклонился.

— Очень приятно, — сказала генеральша, оглядывая его. — Молодой, симпатичный. Садитесь, голубчик. Расскажите о себе.

Алексей Дмитриевич сел. И начал рассказывать. О службе. О семье. О мечтах. Генеральша слушала, кивала, вздыхала. Ланский сидел в стороне и улыбался.

Через час Алексей Дмитриевич понял, что генеральша рассказывает ему о муже. О том, как они познакомились. Как он ухаживал. Как они жили. Как он умер. Слёзы текли по её щекам, и она вытирала их платком.

Алексей Дмитриевич слушал. И чувствовал, как что-то в нём меняется. Он видел перед собой не просто богатую вдову, а одинокую женщину, которая хочет, чтобы её выслушали. Которая хочет тепла. Которая готова платить за это тепла.

И он давал ей это тепло. Искренне. Потому что ему самому было одиноко.

После знакомства с генеральшей Ланский предложил Алексею Дмитриевичу поехать в ресторан. Тот согласился. Они сидели в отдельном кабинете, ели рябчиков, пили шампанское.

— Ну как? — спросил Ланский. — Понравилась?

— Она... несчастна, — сказал Алексей Дмитриевич. — Одинока.

— Именно, — Ланский кивнул. — И поэтому она заплатит. За внимание. За тепло. За то, чтобы кто-то был рядом. Это её цена. И мы её возьмём.

Алексей Дмитриевич поморщился.

— Не говорите так. Это... цинично.

— Цинично? — Ланский усмехнулся. — Алексей Дмитриевич, голубчик, вы ещё молоды. Вы думаете, что мир — это сказка. А это не сказка. Это рынок. Здесь всё продаётся и покупается. Любовь, дружба, внимание. Всё. И если вы не научитесь продавать — вы будете покупать. Всю жизнь. Как сейчас. На шестьдесят рублей. В комнате с геранью. В запатанном пальто.

Алексей Дмитриевич молчал. Он знал, что Ланский прав. И это было самое страшное.

— Вот, — Ланский достал из кармана конверт и положил на стол. — Здесь двести рублей. Это ваш аванс. За то, что вы будете навещать генеральшу. Раз в неделю. Слушать её. Сочувствовать. Она будет давать вам деньги. Подарки. Может быть, даже одежду. Вы будете жить на её содержании. А я буду забирать половину. Идёт?

Алексей Дмитриевич смотрел на конверт. Двести рублей. Это больше, чем он зарабатывает за три месяца. Это... это целое состояние.

— Идёт, — сказал он.

И взял конверт.

Шли дни. Алексей Дмитриевич навещал генеральшу Соколову. Слушал её истории. Сочувствовал. Она платила ему: деньгами, подарками, обедами. Он купил новое пальто. Переехал в лучшую комнату. Начал обедать в приличных ресторанах.

Но что-то его настораживало. Что-то, что он не мог понять сразу. Что-то, что сидело внутри и скребло, как мышь под полом.

Во-первых, Ланский. Он был слишком обаятельным. Слишком гладким. Слишком идеальным. Как будто играл роль. И Алексей Дмитриевич заметил: когда Ланский думает, что его не видят, лицо его становится другим. Жёстким. Холодным. Безжалостным.

Во-вторых, другие «клиенты». Ланский познакомил его с несколькими: Шустов, Гришка-Косой, ещё кто-то. Все они были неприятными. Грубыми. Жестокими. Они смеялись над жертвами. Называли их «дурами» и «клушами». Алексей Дмитриевич не любил это. Но молчал.

В-третьих, генеральша. Она была доброй. Искренней. Она верила Алексею Дмитриевичу. Доверяла ему. Рассказывала ему то, что не рассказывала никому. Свои тайны. Свои слабости.

Свои страхи. И Алексей Дмитриевич понимал: он предаёт её. Каждый день. Каждую минуту. И это было невыносимо.

Однажды вечером, возвращаясь от генеральши, он увидел Ланского. Тот стоял на углу, с кем-то разговаривал. Алексей Дмитриевич подошёл ближе и услышал:

— ...завтра. Она даст ему деньги. Он передаст мне. А потом мы её... — Ланский провёл пальцем по горлу.

Собеседник засмеялся. Алексей Дмитриевич похолодел.

«Мы её...» Что это значит? Убийство? Или что-то другое? Он не знал. Но понял: он вляпался. По самые уши.

Ночью Алексей Дмитриевич не спал. Он лежал на кровати в своей новой комнате — просторной, с окном на улицу, с мягкой мебелью — и смотрел в потолок. В голове крутились мысли.

Он предатель. Он мошенник. Он обирает вдову. Он участвует в чём-то тёмном. И он не знает, как из этого выйти.

Он вспомнил отца. Честного, бедного, но гордого. Он вспомнил мать. Она говорила: «Алёша, будь честным. Что бы ни случилось». Он вспомнил себя. Молодого, наивного, мечтающего о справедливости.

И он понял: он не может так больше. Не может.

Но что делать? Идти в полицию? Его засмеют. У него нет доказательств. Ланский — уважаемый коммерсант. У него связи. У него деньги. А он, Алексей Дмитриевич, — никто.

Он должен бороться. Но как? Один он не справится.

И тогда он вспомнил о ней. О Софье. О своей старой подруге. О женщине, которая всегда его понимала. Которая всегда помогала.

«Я напишу ей», — подумал он. — «Завтра же».

Он встал, подошёл к столу, взял перо и бумагу. И начал писать.

«Милая Софья Андреевна!

Пишу вам, потому что больше некому. Я попал в беду. Страшную. Я связался с людьми, которые... которые занимаются тёмными делами. Я не знал. Я думал, это просто. Но теперь я вижу: это не просто. Это преступление. И я в нём участвую.

Я не могу рассказать всё в письме. Это слишком опасно. Но я прошу вас: приезжайте. Как можно скорее. Мне нужна ваша помощь. Ваш совет. Ваша поддержка.

Я знаю, я не имею права просить. Я знаю, я виноват. Но я не знаю, к кому ещё обратиться. Вы — единственный человек, которому я доверяю.

Жду вас. Приходите в трактир «Три пескаря» завтра, в семь вечера. Я буду ждать.

Ваш друг,

Алексей Воронов.

P.S. Не говорите никому. Даже брату. Это слишком опасно».

Алексей Дмитриевич закончил письмо, запечатал его в конверт, оделся и вышел на улицу. Был третий час ночи. Петербург спал. Только где-то лаяли собаки, да изредка проезжали запоздалые извозчики.

Он шёл по улицам, и туман окутывал его, как саван. Он думал о том, что будет дальше. О том, что его ждёт. О том, что он, может быть, совершает ошибку. Но он не мог иначе.

Он опустил письмо в почтовый ящик на углу Невского и Малой Морской. Потом постоял немного, глядя на тёмную воду канала. Потом пошёл домой.

Утром он пойдёт к генеральше. Будет улыбаться. Слушать. Сочувствовать. А вечером придёт Софья. И, может быть, всё изменится.

Он не знал, что будет. Но он знал: он не сдастся.

Он вспомнил Курочкина. Того самого коллежского регистратора, о котором писали газеты. Того, кто поклялся разоблачить Ланского. Того, кто не боялся.

«Я не один, — подумал Алексей Дмитриевич. — Нас двое. А может, будет больше. Мы справимся. Мы обязательно справимся».

Он поднял голову к небу. Звёзд не было видно. Только туман, серый и бесконечный.

Но где-то там, за туманом, был свет. Алексей Дмитриевич верил в это. Верил, потому что иначе было невозможно жить.

Глава 2

Письмо, опущенное в почтовый ящик на углу Невского и Малой Морской в третьем часу ночи, начало свой путь по Петербургу раньше, чем Алексей Дмитриевич проснулся. Почтальон в поношенной шинели, с сумкой через плечо, выгреб его из ящика вместе с десятком других конвертов, бросил в общую кипу и повёз на почтамт. Там письма сортировали, штемпелевали, раскладывали по районам. К полудню оно уже лежало в кожаной сумке другого почтальона, который шагал по Садовой, сворачивал в переулки и разносил конверты по адресам.

Софья Андреевна Лисицына получила своё письмо в половине второго. Она как раз отложила в сторону очередную шляпку — соломенную, с лентой цвета увядшей розы, — и вытирала руки о передник, когда в дверь мастерской постучали.

Мастерская её помещалась в первом этаже небольшого дома на углу Вознесенского проспекта и Екатерининского канала. Вывеска над входом гласила: «Шляпы и дамские уборы. С. А. Лисицына». Вывеска была старая, краска на ней облупилась, но буквы ещё читались. Софья Андреевна сама следила за тем, чтобы вывеска не потускнела совсем: раз в год подкрашивала буквы золотой краской, стоя на табурете и ругаясь на ветер, который сдувал краску с кисти.

Она взяла конверт, распечатала, пробежала глазами. Потом села на табурет — прямо, не сгибая спины, как учила её мать. Потом перечитала. Потом ещё раз. И только тогда позволила себе вздохнуть.

Алексей. Мальчик, с которым она играла в казаки-разбойники на задворках Семёновского полка, где стояли казармы и где жили их семьи. Мальчик, который в двенадцать лет разбил коленку, упав с забора, и она, четырнадцатилетняя, тащила его на себе до дома, потому что он не мог идти. Мальчик, который в семнадцать лет читал ей стихи Пушкина и краснел, когда она смеялась. Мальчик, который вырос в мужчину, но остался таким же наивным.

Попал в беду. Страшную.

Софья Андреевна отложила письмо. Руки её были спокойны, но внутри что-то сжалось, как пружина. Она знала этот тон. Так пишут люди, которые стоят на краю и не знают, куда шагнуть. Так писал её покойный муж, когда понял, что чахотка неизлечима. Так писал брат, когда проиграл в карты всё, что имел, и думал о петле.

Она поднялась, сняла передник, повесила его на гвоздь. Крикнула в глубину мастерской: — Глаша! Принимай работу! Я ухожу!

Из-за занавески высунулась голова молодой помощницы — курносой, веснушчатой, с вечно испуганными глазами.

— Куда вы, Софья Андреевна? А заказчица придёт в четыре!

— Придёт — прими. Скажи, что я вернусь к шести. Или к семи. Или завтра. Пусть оставит записку.

— А если она будет ругаться?

— Пусть ругается. Скажи, что я уехала по важному делу. По очень важному.

Глаша хотела спросить, по какому, но не решилась. Софья Андреевна уже накинула пальто — тёмно-серое, с меховым воротником, сшитое ею самой три года назад и всё ещё выглядевшее прилично. Надела шляпку — свою собственную работу, чёрную, с маленькой вуалью. Взяла зонт. И вышла.

Ей было тридцать четыре года. Она была вдовой уже шесть лет. Муж её, поручик Лисицын, умер от чахотки в военном госпитале в Крыму, куда его отправили с фронта. Она получила письмо о его смерти в тот же день, когда родила сына. Сын умер через три дня. Она осталась одна.

Но она не сломалась. Не потому, что была сильной от природы, а потому, что не могла себе позволить сломаться. У неё были долги — муж оставил их в наследство вместе с фами-

лией. Была свекровь — старая, больная, требовавшая ухода. Была необходимость жить. И она начала жить.

Она открыла шляпную мастерскую. Не потому, что любила шляпы, а потому, что умела шить. Мать её была портнихой, и Софья с детства сидела с иголкой в руках. Она шила платья для соседок, потом для знакомых соседок, потом для знакомых и их знакомых. Постепенно у неё появились клиентки. Потом постоянные клиентки. Потом клиентки, которые платили вперёд и рекомендовали её подругам.

Через три года мастерская стала приносить доход. Небольшой, но достаточный. Она расплатилась с долгами мужа. Похоронила свекровь. И осталась одна — в мастерской, с иголкой, с лентами, с соломкой для шляп и с ощущением, что жизнь прошла мимо.

Она была умна. Умна не благодаря книгам, а благодаря опыту — книг она читала мало, всё больше по хозяйству да по шитью, — а умна по-житейски. Она знала людей. Знала, кто из клиенток чем дышит, кто с кем ссорится, кто кому должен, кто кого обманывает. Она знала Петербург не с парадной стороны — не с Невского и не с Дворцовой, — а с изнанки: через кухни, через чёрные лестницы, через сплетни горничных и рассказы извозчиков. Она знала полгорода. И полгорода знало её.

Она не была красавицей. Лицо — простое, с широкими скулами, с чуть вздёрнутым носом, с веснушками, которые не сходили даже зимой. Волосы — русые, густые, которые она укладывала в тугой узел на затылке. Глаза — серые, внимательные, с лёгкой насмешкой. Фигура — ладная, крепкая, как у женщины, которая много работает руками. Руки — грубоватые, с мозолями на подушечках пальцев, с вечно обломанными ногтями. Она стеснялась своих рук и часто прятала их в карманы или под передник.

Но в ней было что-то, что притягивало людей. Что-то, что заставляло их доверять ей. Может быть, спокойствие. Может быть, честность. Может быть, то, что она никогда не притворилась. Она была такая, какая есть. И это было редкостью в Петербурге, где все носили маски.

Алексей Дмитриевич пришёл в трактир за час до назначенного времени. Он сидел за тем же столиком в углу, где неделю назад познакомился с Ланским, и нервно крутил в руках пустой стакан. Он заказал чай, но не пил его. Чай остыл, утратив всякий жар, и сверху покрылся тонкой, чуть перламутровой плёнкой.

Он не спал всю ночь. Написал письмо Софье, потом вернулся домой, лёг, но не мог сомкнуть глаз. Ворочался, вставал, ходил по комнате, снова ложился. Перед глазами стояло лицо Ланского — то обаятельное, то жёсткое. И лицо генеральши — доброе, доверчивое. И лицо Шустова — грубое, смеющееся. И слова: «А потом мы её...» Что это значило? Что они собираются сделать?

Он думал о том, что скажет Софье. Как объяснит? Как признается в том, что стал мошенником? Как попросит помощи, не потеряв остатки достоинства?

Он не знал. Он просто ждал.

Дверь трактира открылась. Вошла женщина в тёмно-сером пальто, в чёрной шляпке с вуалью. Она огляделась, нашла его взглядом и пошла к нему. Шла она уверенно, не спеша, как человек, который знает, куда идёт.

Алексей Дмитриевич встал.

— Софья, — сказал он.

Она остановилась в двух шагах от него. Смотрела на него сквозь вуаль. Потом подняла вуаль на шляпку и посмотрела прямо.

— Здравствуй, Алёша, — сказала она. — Ты плохо выглядишь.

Он попытался улыбнуться.

— Спасибо. Ты, как всегда, прямолинейна.

— Я не умею иначе. Садись. Рассказывай.

Она села напротив него, сняла шляпку, положила её на стол. Лакей подбежал, она заказала чай и пирог с яблоками. Потом сложила руки на столе и посмотрела на Алексея Дмитриевича.

— Ну?

Он начал рассказывать. Сбивчиво, путано, перескакивая с одного на другое. О том, как познакомился с Ланским. О том, как согласился на «выгодное знакомство». О генеральше Соколовой. О деньгах. О подарках. О том, как всё это было легко и приятно, а потом стало тяжело и страшно. О том, как услышал разговор Ланского с подельником. О том, что понял: он в ловушке.

Софья слушала. Не перебивала. Не ахала. Не качала головой. Просто слушала. Когда он закончил, она молчала ещё минуту. Потом сказала:

— Значит, ты стал мошенником.

Он вздрогнул.

— Я не хотел...

— Я знаю, что не хотел. Но стал. Это факт. Ты обирал вдову. Ты брал у неё деньги. Ты пользовался её одиночеством. Это мошенничество. Называй вещи своими именами.

Он опустил голову.

— Да, — сказал он тихо. — Я стал мошенником.

— Хорошо, что ты это признаёшь, — Софья кивнула. — Это первый шаг. Теперь второй: что ты собираешься делать?

— Я не знаю, — признался он. — Я хочу выйти из этого. Но не знаю как. Ланский не отпустит. У него связи. У него люди. Если я пойду в полицию — меня засмеют. Или убьют.

— Убьют — это вряд ли, — Софья поморщилась. — Но засмеять могут. Это правда. Полиция в Петербурге — это... — она махнула рукой. — Половина полиции сама берёт взятки. Другая половина боится тех, кто берёт. Так что на полицию надежды мало.

— Что же делать?

Софья помолчала. Потом сказала:

— Сначала — узнать, с кем ты связался. Кто такой Ланский. Кто его подельники. Кто за ними стоит. Потом — собрать доказательства. Потом — найти людей, которые помогут. И только потом — действовать. Но не в одиночку. Один ты пропадёшь.

— Ты поможешь мне? — спросил он.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Как смотрят на человека, которого знают всю жизнь и который вдруг оказался в беде.

— Помогу, — сказала она. — Но не потому, что ты мне нравишься. А потому, что ты — Алёша. Тот мальчик, который разбил коленку. Тот, который читал стихи. Тот, который всегда был честным. Я не верю, что ты стал другим. Я верю, что ты запутался. И я помогу тебе распутаться.

Алексей Дмитриевич почувствовал, как к горлу подступает ком. Он хотел сказать что-то, но не мог. Только кивнул.

— Ешь пирог, — сказала Софья. — И перестань трястись. Мы справимся.

Они просидели в трактире до закрытия. Софья задавала вопросы — точные, конкретные, без лишних эмоций. Она хотела знать всё: имена, адреса, привычки, связи. Алексей Дмитриевич отвечал. Постепенно картина становилась яснее.

— Значит, так, — Софья подвела итог, когда лакей принёс счёт. — Ланский — главный. Шустов — его правая рука. Есть ещё Гришка-Косой и кто-то ещё, кого ты не знаешь. Они действуют по схеме: знакомятся с богатыми вдовами, втираются в доверие, выпытывают тайны, а потом шантажируют. Или просто обирают — кто как умеет. Ты — один из исполнителей. Мелкий. Но ты видел больше, чем они думают. Это твой козырь.

— И что с ним делать?

— Сначала — узнать, кто за Ланским. Я почти уверена: он не сам по себе. Такие дела не делаются без покровителей. Нужно найти, кто его крышует. Тогда мы поймём, с кем имеем дело.

— И как мы это узнаем?

— У меня есть знакомые, — Софья усмехнулась. — В Петербурге все знают всех. Я шью шляпы для жён чиновников, для дочерей купцов, для любовниц офицеров. Они болтают. Я слушаю. Иногда узнаю такое, что и полиции не снилось.

Она встала, надела шляпку.

— Завтра я наведу справки. А ты пока — сиди тихо. Не высывайся. Не делай ничего, что может вызвать подозрение. Ходи к генеральше, как ходил. Улыбайся. Слушай. Но ничего не подписывай. Ничего не обещай. И ни слова Ланскому.

— А если он спросит?

— Скажи, что всё хорошо. Что генеральша довольна. Что ты готов работать дальше. Ври. Ты же теперь умеешь.

Алексей Дмитриевич поморщился, но кивнул.

— И вот ещё что, — Софья взяла его за руку. — Никому не доверяй. Даже мне. Пока не убедишься, что человек стоит доверия. Понял?

— Понял.

— Тогда иди. И не пропадай. Я найду тебя сама.

Она ушла. Алексей Дмитриевич остался сидеть. На столе лежал недоеденный пирог и остывший чай. Он смотрел на дверь, за которой скрылась Софья, и думал о том, что впервые за последние недели ему стало чуть-чуть легче.

У него был план. У него был друг. У него была надежда.

Брат Софьи, Николай Андреевич Лисицын, жил на Песках, в маленькой квартире на втором этаже старого дома. Квартира была холостяцкая: стол, два стула, кровать, сундук, на стене — сабля и портрет государя. Пахло табаком, кожей и мужским потом.

Николаю было тридцать восемь. Он был отставным поручиком, уволенным из армии за драку с начальством. Драка была знатная: он сломал полковнику нос и выбил два зуба. Полковник хотел отдать его под суд, но за Николая вступились товарищи-офицеры, и дело замяли. Его уволили «по состоянию здоровья» — с формулировкой, которая ничего не значила, но позволяла сохранить лицо.

С тех пор Николай жил случайными заработками: то грузчиком в порту, то охранником в трактире, то участником кулачных боёв, которые устраивались на льду Невы зимой и на пустырях летом. В кулачных боях он был знаменит. Его звали «Лисица» — за хитрость и быстроту. Он умел бить точно, не тратя сил, и умел уходить от удара так, что противник проваливался в пустоту. На его счету было больше сотни побед. И ни одного поражения.

Он был огромен: рост — два аршина и десять вершков, плечи — косая сажень, кулаки — как кувалды. Но двигался непринуждённо, с почти танцевальной грацией. Лицо — простое, с широким носом, с густыми бровями, с усами, которые он подкручивал. Глаза — серые, как у сестры, но без насмешки. В них было что-то детское, доверчивое. Он верил людям. И это было его слабостью.

Он любил сестру. Очень любил. Она была для него всем: матерью, отцом, другом. Когда он проигрывал всё в карты, она вытаскивала его из долгов. Когда он напивался, она выхаживала его. Когда он попадал в передраги, она выручала. Он платил ей тем же: защищал, помогал, был рядом. Он не мог иначе.

Когда Софья пришла к нему в тот вечер и рассказала о просьбе Алексея, он не колебался.

— Поможем, — сказал он. — Алёшка — свой. Мы его с детства знаем. Он не плохой. Он просто дурак. А дураков надо спасать.

— Ты уверен? — спросила Софья. — Это опасно. У Ланского связи. У него люди. Могут быть неприятности.

— Неприятности? — Николай усмехнулся. — Соня, я всю жизнь живу с неприятностями. Это моя профессия. Так что не волнуйся. Прорвёмся.

Он налил себе водки, выпил одним глотком.

— Что нужно делать?

— Пока — ничего. Я наведу справки. Потом позову.

— Хорошо. Но если что — я готов. В любой момент.

Он обнял сестру. Она прижалась к его плечу — широкому, надёжному, как стена. И на минуту почувствовала себя маленькой девочкой, которой ничего не страшно, потому что рядом — брат.

Едва рассвело, Софья уже держала путь к Ефиму Тарасову. Знакомый журналист мог подсказать то, что не сыщешь в официальных сводках. Сам он, не без самоиронии, величал себя мелким журналистом. Он работал в газете «Голос», где писал заметки о происшествиях: пожарах, кражах, убийствах, скандалах. Платили мало, но он не жаловался. Он любил свою работу. Любил рыться в архивах, разговаривать с людьми, находить то, что другие не находили.

Ему было двадцать шесть. Худой, сутулый, с длинными волосами, которые он забывал стричь, с очками на кончике носа, которые он постоянно поправлял. Одетый вечно небрежно: пиджак не по размеру, брюки с бахромой, ботинки стоптанные. Он выглядел как студент, который забыл, что уже не студент.

Он знал Софью через свою тётку, которая шила у неё шляпы. Софья иногда просила его помочь: найти информацию, проверить факты, написать заметку. Он делал это охотно — не за деньги, а за интерес. Ему нравилось чувствовать себя частью чего-то важного.

Когда Софья пришла к нему в редакцию — маленькую комнату на втором этаже, заваленную бумагами, газетами и пустыми бутылками из-под лимонада, — он сразу понял: что-то случилось.

— Ефим, — сказала Софья, садясь на стул, с которого он сбросил кипу старых газет. — Мне нужна твоя помощь.

— Говорите.

Она рассказала. О Алексее. О Ланском. О генеральше. О том, что нужно узнать, кто за Ланским.

Ефим слушал, поправляя очки. Когда она закончила, он сказал:

— Ланский... Михаил Александрович Ланский. Я о нём слышал. Он появлялся в газетах. Правда, всегда как «уважаемый коммерсант» или «благотворитель». Но я слышал и другое. От коллег. Говорят, он тёмная лошадка. Связи в министерствах. Дружба с сильными мира сего. Но доказательств нет. Пока нет.

— А ты можешь найти доказательства?

— Могу попробовать. У меня есть знакомый в архиве. И ещё один — в полицейском управлении. Они иногда делятся информацией. За деньги или за услугу. Но это будет не быстро.

— Сколько времени?

— Неделя. Может, две. Если повезёт — быстрее.

— Хорошо. Начинай. И вот ещё что: никому ни слова. Даже редактору.

— Понял.

Ефим встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Потом обернулся.

— Софья Андреевна, а вы уверены, что стоит в это лезть? Ланский — опасный человек. Если он узнает...

— Узнает — значит, узнает, — Софья пожала плечами. — Я не могу иначе. Алёша — мой друг. Я не брошу его.

— Тогда я с вами, — сказал Ефим. — Я тоже не могу иначе. Это... это же сенсация. Если мы раскроем дело Ланского, это будет бомба. Меня заметят. Меня повысят. Меня...

— Ты поможешь не ради повышения, — перебила его Софья. — Ты поможешь, потому что это правильно. Понял?

Ефим смутился.

— Понял, — сказал он. — Простите.

— Ладно. Работай. Я приду через неделю.

Она ушла. Ефим остался стоять у окна. Смотрел на улицу, на прохожих, на экипажи. Думал о том, что ввязался в опасное дело. И что, может быть, это лучшее, что случилось с ним за последние годы.

Через неделю они собрались в мастерской Софьи. Было воскресенье, мастерская не работала, и Глаша была отпущена домой. В комнате пахло лентами, клеем и новой кожей. На столе стоял самовар, лежали пироги, которые Софья испекла сама.

Алексей Дмитриевич пришёл первым. Он выглядел лучше, чем неделю назад: выпавшимся, спокойнее. Он каждый день ходил к генеральше, улыбался, слушал. Но ничего не подписывал и ничего не обещал. Ланский пока не беспокоил.

Николай пришёл вторым. Он принёс бутылку вина и коробку конфет.

— Для дамы, — сказал он, ставя конфеты на стол. — И для нас.

Ефим пришёл последним. Он был взволнован, очки съехали на нос, в руках — папка с бумагами.

— Я кое-что нашёл, — сказал он с порога. — Кое-что важное.

— Садись, — Софья указала на стул. — Рассказывай.

Ефим сел, открыл папку, разложил бумаги на столе.

— Значит, так. Ланский. Михаил Александрович. Родился в Одессе, в семье портного. В Петербург приехал в 1868 году. Сначала работал приказчиком в лавке. Потом — в конторе. Потом — открыл своё дело. Якобы торговля лесом. Но никаких следов этой торговли нет. Ни складов, ни поставок. Только деньги. Большие деньги. Откуда?

— Откуда? — спросил Николай.

— Вот тут самое интересное. Я нашёл в архиве несколько дел. 1870 год — вдова купца Смирнова. Потеряла всё состояние. 1872 год — графиня Оболенская. То же самое. 1874 год — баронесса Штакельберг. Все они были одинокими, богатыми, и все они разорились. А перед разорением с ними знакомился... угадайте кто?

— Ланский, — сказала Софья.

— Именно. Но доказательств нет. Ни одна из них не подала в суд. Ни одна не заявила в полицию. Они боятся. Или им стыдно. Или... — он сделал паузу, — или им угрожают.

— Кто за ним стоит? — спросил Алексей Дмитриевич.

— Я пока не знаю точно. Но есть одна ниточка. Князь Бельский. Из министерства внутренних дел. Важная птица. У него связи при дворе. Он — покровитель Ланского. Я почти уверен. Но доказать это сложно. Нужны документы. Или свидетели.

— Свидетели будут, — сказала Софья. — Мы их найдём.

Она обвела взглядом всех, кто сидел за столом.

— Итак, — сказала она. — Мы — команда. У нас есть цель: разоблачить Ланского и всех, кто за ним стоит. У нас есть средства: ум, связи, отвага. У нас есть время. И у нас есть друг друг... вернее, мы друг у друга есть. Это главное.

Николай поднял бокал.

— За команду, — сказал он.

— За справедливость, — добавил Ефим.

— За Алёшу, — сказала Софья.

Алексей Дмитриевич молчал. Он смотрел на них — на Софью, на Николая, на Ефима — и чувствовал, как в груди что-то теплеет. Он не был один. У него были друзья. Настоящие. Такие, которые не бросят.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Спасибо вам.

— Не благодари, — Софья махнула рукой. — Лучше работай. У нас много дел.

Он кивнул. И впервые за долгое время улыбнулся — не фальшиво, не через силу, а искренне.

Гости разошлись за полночь. Софья осталась одна. Она убрала со стола, вымыла чашки, погасила лампу. Потом села у окна и посмотрела на улицу.

Петербург спал. Только где-то вдалеке проехал извозчик, да ветер шевелил ставни. Туман поднимался с канала, окутывая дома, стирая границы. Город казался призрачным, нереальным. Как будто он был не городом, а сном.

Софья думала о том, что будет дальше. Опасность была велика. Ланский — умён и жесток. Бельский — могуществен. Против них — она, женщина с иголкой. Её брат — отставной поручик с кулаками. Мальчишка-журналист с очками. И Алёша — запутавшийся чиновник.

Силы были неравны. Но это не пугало её. Она знала: правда на их стороне. А правда — это сила. Может быть, не сразу. Может быть, не сегодня. Но она победит.

Она вспомнила мужа. Как он умирал. Как говорил: «Соня, не сдавайся. Что бы ни случилось — не сдавайся». Она не сдалась. Она выжила. Она построила мастерскую. Она подняла брата. Она выстояла.

И теперь она не сдастся. Ни за что.

Она встала, подошла к иконе в углу — маленькой, потемневшей, доставшейся от матери, — и перекрестилась.

— Господи, — прошептала она. — Помоги нам. Помоги Алёше. Помоги всем нам. Дай нам сил. И дай нам правды.

Она вернулась к окну. Туман сгустился. Петербург тонул в нём, как в море. Но где-то там, за туманом, был рассвет. Софья знала: он придёт. Обязательно придёт.

Она села на стул, взяла в руки недошитую шляпку и начала работать. Иголка мелькала в её пальцах, лента ложилась ровно, стежок за стежком. Она шила и думала. Думала о будущем. О том, что будет, когда всё закончится. О том, что она скажет Алексею. О том, что он скажет ей.

Она не знала, что будет. Но она знала: она не одна. У неё есть брат. У неё есть друзья. У неё есть дело.

Глава 3

Команда начала действовать на следующее утро после собрания в мастерской. Каждый взял на себя свою часть работы — не потому, что Софья распределила обязанности, а потому, что каждый интуитивно понимал, где он может быть полезен.

Николай отправился в порт. Там, среди грузчиков, матросов и артельщиков, всегда крутились люди, знавшие всё обо всех. Он провёл там два дня, помогая таскать ящики и мешки — не за деньги, а за разговоры. К вечеру второго дня он уже знал, что у Ланского есть человек в порту: некто по кличке Косой, который получал «товар» — ящики без описи, приехавшие из Одессы. Что было в тех ящиках — никто не знал. Но Косой платил щедро, и потому вопросы не задавались.

Ефим засел в архиве. Он приходил туда с утра, когда архивариус, старик по фамилии Пупышев, только отпирал двери, и уходил поздним вечером, когда тот уже гасил лампы. Пупышев был человеком скучным, но неглупым. Он знал, где что лежит, и за небольшую мзду — обычно в виде бутылки хорошего вина или пачки табаку — позволял Ефиму рыться в бумагах сколько угодно.

Софья занялась тем, что умела лучше всего: разговорами. Она наносила визиты своим клиенткам — под предлогом примерки, доставки заказа или просто «узнать, как здоровье». И между делом, как бы невзначай, спрашивала о знакомых. О вдовах. О генеральшах. О тех, кто в последние годы потерял состояние.

Алексей Дмитриевич продолжал ходить к генеральше Соколовой. Это было и опасно, и необходимо: он оставался внутри шайки, видел, что происходит, слышал разговоры. Ланский пока не подозревал ничего. Он был доволен своим «учеником»: генеральша давала деньги, а Алексей Дмитриевич аккуратно передавал ему половину. Иногда Ланский хлопал его по плечу и говорил:

— Из тебя выйдет толк, Алёша. Я в тебе не ошибся.

Алексей Дмитриевич улыбался в ответ. И чувствовал, как внутри всё сжимается от отвращения.

Софья нашла её через свою клиентку — жену доктора Веру Павловну Кречетову, которая лечила княгиню от «нервов». Вера Павловна была женщиной доброй, но болтливой. За чашкой чая она рассказала Софье, что княгиня Оболенская — женщина благородная, но несчастная. Муж умер, сын уехал за границу, а сама она живёт в маленькой квартире на Петроградской стороне, почти в нищете. Хотя ещё пять лет назад у неё был дом на Миллионной, имение в Тульской губернии и капитал в банке.

— Куда всё делось? — спросила Софья.

— Ах, милочка, — Вера Павловна вздохнула. — Тёмная история. Княгиня никому не рассказывает. Но говорят, её обманули. Кто-то воспользовался её добротой. Она осталась без гроша. И теперь живёт на пенсию, которую выхлопотал ей дальний родственник.

Софья запомнила адрес. Через три дня она стояла у двери квартиры княгини Оболенской.

Дверь открыла горничная — старая, сгорбленная, с усталыми глазами. Софья представилась:

— Лисицына. Шляпница. Хотела бы видеть её сиятельство.

Горничная оглядела её с ног до головы. Потом кивнула:

— Пройдите. Княгиня в гостиной.

Гостиная была маленькой, но уютной. На стенах — портреты в золочёных рамах, на столике — фарфоровая статуэтка, на окне — герань. Княгиня Оболенская сидела в кресле у окна. Ей было лет шестьдесят. Худая, бледная, с седыми волосами, уложенными в простую причёску.

Одета она была в тёмное платье, перешитое из старого, но всё ещё хранившее следы былого изящества.

— Чем обязана? — спросила она, не вставая.

Софья поклонилась.

— Ваше сиятельство, простите за беспокойство. Я — Софья Лисицына. Шляпница. Я шью шляпы для многих дам в Петербурге. И я слышала, что вы... что вам пришлось пережить трудные времена. Я пришла спросить, не нужна ли вам помощь.

Княгиня посмотрела на неё внимательно. Потом усмехнулась — горько, безрадостно.

— Помощь? Мне? Милочка, мне уже никто не поможет. Я всё потеряла. Всё. И не хочу об этом говорить.

— Я понимаю, — Софья села на стул без приглашения. — Но я пришла не из любопытства. Я пришла потому, что хочу наказать того, кто вас обманул.

Княгиня вздрогнула.

— Кто вам сказал, что меня обманули?

— Никто. Я догадалась. Женщина, у которой был дом на Миллионной и имение в Тульской губернии, не может оказаться в маленькой квартире на Петроградской без причины. Причина есть. И причина — человек. Я права?

Княгиня молчала. Долго. Потом опустила глаза.

— Права, — сказала она тихо. — Вы права. Меня обманул человек. Молодой, обаятельный. Он говорил, что любит меня. Что хочет жениться. Что будет заботиться обо мне до конца дней. Я поверила. Я была одинока. Я была глупа. Я отдала ему всё: деньги, дом, имение. А он... он исчез. Оставил меня с долгами и с позором.

— Как его звали?

Княгиня подняла глаза. В них был страх.

— Я не могу сказать. Он угрожал. Он знает такое... такое, если это выйдет наружу, я не смогу жить. Мой сын... мой сын отвернётся от меня. Я не могу.

— Я не буду вас заставлять, — сказала Софья. — Но я хочу, чтобы вы знали: вы не одна. Есть другие женщины. Много женщин. И есть люди, которые хотят остановить этого человека. Если вы передумаете — вот мой адрес.

Она положила на столик визитку. Княгиня взяла её, повертела в руках.

— Вы... вы правда можете его остановить?

— Я попробую, — сказала Софья. — Но мне нужна ваша помощь. Хотя бы немного. Расскажите, как вы с ним познакомились. Где. Когда. Что он говорил. Что делал. Это поможет.

Княгиня долго молчала. Потом вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Слушайте.

Она рассказала всё. Как пять лет назад, в 1871 году, познакомилась с молодым человеком на балу у графини Шереметевой. Как он представился князем Мышкиным-вторым — дальним родственником известного рода. Как ухаживал за ней: приносил цветы, говорил комплименты, читал стихи. Как она, вдова, давно не слышавшая тёплых слов, таяла от его внимания.

— Он был так внимателен, — говорила княгиня. — Так заботлив. Он помнил всё, что я говорила: имена, даты, привычки. Он знал, что я люблю пионы и не люблю розы. Что я пью чай с мёдом, а не с сахаром. Что я боюсь грозы. Он знал обо мне всё. И я думала: это судьба. Это Бог послал мне утешение в старости.

Потом он начал спрашивать о её делах. О деньгах. О бумагах. О наследстве. Она рассказывала — доверчиво, наивно. Он слушал, кивал, сочувствовал. А потом...

— Потом он начал просить, — княгиня сжала руки. — Сначала немного: на подарок матери, на лечение сестры, на уплату долга чести. Я давала. Потом больше. Потом ещё больше. Я заложила дом. Продала имение. Отдала ему всё. А когда денег не осталось — он исчез.

— Вы пытались его найти?

— Пыталась. Я пошла в полицию. Но там сказали: нет доказательств. Нет расписок. Нет свидетелей. А потом... — она замолчала.

— Что потом?

— Потом ко мне пришли. Двое. Один — тот самый молодой человек. Другой — постарше, с холодными глазами. Они сказали: если я не замолчу, они расскажут моему сыну... — она закрыла лицо руками. — Они знали. Они знали про меня такое, что... я не могу сказать даже вам. Это касается моей молодости. Моего мужа. Моей семьи. Если это выйдет наружу — я погибну. И мой сын погибнет. И память моего мужа будет опозорена.

Софья молчала. Она понимала. Она видела таких женщин: благородных, гордых, но с тайнами, которые они готовы унести в могилу. И Ланский знал это. Он знал, что они не пойдут в полицию. Он знал, что они будут молчать. Он знал, что они — идеальные жертвы.

— Кто был второй? — спросила Софья. — Тот, с холодными глазами?

— Я не знаю. Он не представился. Но молодой человек называл его... — княгиня задумалась. — Кажется, «Михаил Александрович». Или «Мишель». Да, «Мишель».

Софья вздрогнула. Мишель. Ланский. Значит, он был там. Лично. Он не просто посылал исполнителей — он приходил сам. К тем, кого обобрал. Чтобы убедиться, что они будут молчать.

— Спасибо, — сказала Софья. — Вы очень помогли.

— Вы найдёте его? — спросила княгиня. — Вы накажете его?

— Я сделаю всё, что смогу, — сказала Софья. — Обещаю.

Она встала, поцеловала княгине руку и вышла. На улице она постояла минуту, вдыхая холодный воздух. Потом пошла домой. Ей нужно было подумать.

Ефим работал в архиве уже неделю. Он перерыл сотни дел: гражданских, уголовных, полицейских. Искал всё, что было связано с мошенничеством, шантажом, вымогательством. И постепенно перед ним вырисовывалась картина.

Он нашёл пять случаев за последние пять лет. Пять женщин. Все — вдовы или незамужние. Все — богатые. Все — одинокие. И все — разорённые.

Дело № 1. 1871 год. Княгиня Оболенская. Потеряла дом на Миллионной, имение в Тульской губернии, капитал в банке. Общая сумма убытка — около двухсот тысяч рублей. В полицию не обращалась.

Дело № 2. 1872 год. Графиня Шереметева. Потеряла дом на Невском, два имения в Московской губернии, драгоценности. Общая сумма — около трёхсот тысяч. В полицию не обращалась. Умерла в 1874 году «от горя».

Дело № 3. 1873 год. Баронесса Штакельберг. Потеряла дом на Фонтанке, капитал, ценные бумаги. Общая сумма — около ста пятидесяти тысяч. Уехала за границу. Следы потерялись.

Дело № 4. 1874 год. Купчиха Смирнова. Потеряла два доходных дома, лавку, капитал. Общая сумма — около двухсот тысяч. Обратилась в полицию, но дело было закрыто «за недостатком улик». Через год умерла.

Дело № 5. 1875 год. Генеральша Соколова. Потеряла... — Ефим остановился. Генеральша Соколова была ещё жива. И ещё не потеряла всё. Но она была в процессе. Алексей Дмитриевич был её «компаньоном». И если бы не он — она бы уже лишилась и дома, и капитала.

Ефим отложил бумаги. Схема была ясна. Он взял лист и начал записывать:

Знакомство. Бал, приём, театр, церковь. Место, где можно встретить богатую вдову. Ланский или его люди появляются там, где есть жертвы.

Втирание в доверие. Цветы, комплименты, внимание. Игра на одиночестве. Женщина, давно не слышавшая тёплых слов, тает.

Выпытывание тайн. Разговоры по душам. Вопросы о прошлом, о семье, о слабостях. Ланский запоминает всё. Или записывает.

Шантаж. Когда тайна известна — начинается давление. «Если ты не заплатишь — я расскажу». Или: «Если ты не дашь денег — я опозорю тебя».

Разорение. Женщина отдаёт всё: деньги, дома, имения. Она готова на всё, чтобы сохранить тайну. Чтобы не потерять лицо. Чтобы не опозорить семью.

Исчезновение. Когда денег больше нет — Ланский исчезает. Женщина остаётся одна. С долгами. С позором. С молчанием.

Ефим посмотрел на свои записи. Потом добавил внизу: «Жертвы боятся. Боятся позора. Боятся огласки. Боятся потерять лицо. Поэтому молчат. Поэтому Ланский непобедим. Пока».

Он откинулся на стуле. В голове шумело. Он понял главное: чтобы победить Ланского, нужно снять с жертв страх. Нужно убедить их, что молчание — не спасение. Что говорить — не стыдно. Что они — не виноваты. Виноват он. Ланский. И те, кто за ним стоит.

Но как это сделать? Как убедить женщину, которая всю жизнь боялась осуждения, что осуждение — не самое страшное? Как объяснить, что правда — это освобождение?

Он не знал. Но он знал, что нужно попробовать.

Вечером команда собралась в мастерской Софьи. Было тесно: пятеро человек в маленькой комнате, заваленной лентами, тканью и шляпными болванками. На столе — самовар, пироги, бумаги Ефима.

Ефим разложил свои записи. Софья рассказала о визите к княгине Оболенской. Николай — о Косом и о ящиках из Одессы.

— Значит, так, — Софья подвела итог. — У нас есть схема. Знакомство, доверие, тайны, шантаж, разорение. У нас есть жертвы. Пять женщин. Четыре из них молчат. Одна — княгиня Оболенская — готова говорить, но боится. У нас есть Ланский. И у нас есть Бельский — тот, кто за ним стоит.

— И что дальше? — спросил Николай.

— Дальше — нужно найти доказательства, — сказала Софья. — Бумаги. Расписки. Письма. Что-то, что можно предъявить в суде. Без доказательств мы — никто. Нас засмеют. Или убьют.

— У Ланского есть бумаги? — спросил Алексей Дмитриевич.

— Должны быть, — сказал Ефим. — Он не мог всё держать в голове. Пять жертв. Пять историй. Пять тайн. Он должен был записывать. Где-то у него есть тайник. Или сейф. Или папка с компроматом.

— Где?

— Скорее всего — в его квартире. Или в конторе. Он живёт в гостинице «Европейская», но там номер. Номер можно обыскать. Но это опасно. Там прислуга. Там охрана.

— А контора?

— Контора на Невском. Но там тоже люди. И тоже опасно.

Софья задумалась.

— Нам нужен человек внутри, — сказала она. — Кто-то, кто имеет доступ к Ланскому. Кто-то, кому он доверяет.

Все посмотрели на Алексея Дмитриевича.

— Я, — сказал он тихо. — Я имею доступ. Он мне доверяет. Пока.

— Ты сможешь найти бумаги?

— Не знаю. Но попробую.

— Это опасно, — сказал Николай. — Если он узнает...

— Он не узнает, — Алексей Дмитриевич сжал кулаки. — Я буду осторожен.

Софья посмотрела на него. Долго. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но помни: ты не один. Если что-то пойдёт не так — мы придём. В любой момент. Понял?

— Понял.

— Тогда — за работу.

На следующий день Софья снова навестила княгиню Оболенскую. Она принесла ей шляпку — маленькую, чёрную, с траурной лентой, — которую сшила сама. Княгиня удивилась:

— Зачем? Я не заказывала.

— Это подарок, — сказала Софья. — От меня. Носите на здоровье.

Княгиня взяла шляпку, повертела в руках. Потом заплакала.

— Вы так добры, — сказала она. — А я не могу вам помочь. Я не могу говорить. Я боюсь.

— Чего? — спросила Софья.

— Позора, — княгиня вытерла слёзы. — Вы не понимаете. Я — княгиня. Я — Оболенская. Мой род — один из древнейших в России. Если станет известно... то, что он знает... я не переживу. Мой сын не переживёт. Мой муж... он в могиле, но он тоже... он бы проклял меня.

— Ваш муж мёртв, — сказала Софья мягко. — А вы — живы. И ваш сын — жив. И вы оба страдаете. Не потому, что вы сделали что-то плохое. А потому, что кто-то другой сделал плохое. Он — преступник. Вы — жертва. Почему вы защищаете его?

Княгиня молчала. Потом сказала:

— Потому что я боюсь. Я всю жизнь боялась. Боялась осуждения. Боялась сплетен. Боялась, что скажут люди. И теперь этот страх сильнее меня. Я не могу его перебороть.

Софья взяла её за руку.

— Я понимаю, — сказала она. — Правда, понимаю. Но подумайте вот о чём: если вы будете молчать, он найдёт другую. И ещё одну. И ещё. И каждая будет бояться. И каждая будет молчать. И он будет богатеть. И смеяться над вами. Над вашим страхом. Над вашей слабостью. Вы хотите, чтобы он смеялся?

Княгиня вздрогнула.

— Нет, — сказала она. — Не хочу.

— Тогда помогите нам. Не обязательно идти в суд. Не обязательно говорить публично. Просто расскажите всё, что знаете. Дайте показания. Мы сохраним их. И используем только тогда, когда это будет необходимо. Обещаю.

Княгиня долго молчала. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я расскажу. Всё. Но не сейчас. Дайте мне время. Несколько дней.

— Хорошо, — Софья сжала её руку. — Я приду через три дня. И мы поговорим.

Она вышла. На улице стоял туман. Софья шла домой и думала о том, что страх — это самое сильное оружие Ланского. Сильнее кулаков. Сильнее денег. Сильнее власти. Страх заставляет людей молчать. И пока они молчат — он непобедим.

Но страх можно победить. Надо только найти то, что сильнее страха. Правду. Надежду. Веру. И тогда — всё изменится.

Алексей Дмитриевич начал действовать на следующий день. Он пришёл к Ланскому в гостиницу «Европейская» — якобы для того, чтобы отдать очередную порцию денег от генералыши. Ланский был в хорошем настроении. Он сидел в кресле, пил кофе, читал газету.

— А, Алёша! — воскликнул он. — Проходи, голубчик. Садись. Кофе хочешь?

— Спасибо, — Алексей Дмитриевич сел. — Вот. От Анны Петровны.

Он положил на стол конверт. Ланский взял, пересчитал, кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты молодец, Алёша. Я в тебе не ошибся.

— Михаил Александрович, — начал Алексей Дмитриевич осторожно. — У меня есть вопрос. Личного характера.

— Задавай.

— Я слышал... от одного человека... что у вас есть бумаги. На некоторых... дам. Для... гарантии. Это правда?

Ланский посмотрел на него. Внимательно. Долго. Потом улыбнулся.

— Правда, — сказал он. — Есть. А что?

— Ничего. Просто... я подумал: а если кто-то узнает? Если бумаги найдут?

— Их не найдут, — Ланский усмехнулся. — Они в надёжном месте. В таком, что никто не догадается.

— Где?

Ланский помолчал. Потом сказал:

— В конторе. В сейфе. За картиной. Никто не знает. Даже Шустов. Ты — первый, кому я говорю. Но ты — свой. Я тебе доверяю.

Алексей Дмитриевич кивнул. Внутри у него всё ликовало. Он нашёл. Тайник. В конторе. За картиной. В сейфе.

— Спасибо, что доверяете, — сказал он. — Я не подведу.

— Знаю, — Ланский хлопнул его по плечу. — Ты — хороший человек, Алёша. Честный. Я это ценю.

Алексей Дмитриевич улыбнулся. И подумал: «Если бы ты знал, что я задумал...»

Но он не сказал этого. Он просто встал, попрощался и вышел. На улице он остановился, посмотрел на небо. Был вечер. Туман сгушался. Петербург тонул в нём, как в море.

Алексей Дмитриевич шёл домой и думал о том, что теперь у них есть цель. Контора. Сейф. За картиной. Осталось только придумать, как туда попасть.

Вечером Софья сидела у окна. Перед ней лежали бумаги Ефима, записи о жертвах, план конторы Ланского, который нарисовал Николай, и список того, что нужно сделать.

Она думала о княгине Оболенской — о том, как страх, въевшийся в её душу, сковывал каждое движение, превращая гордую женщину в тень самой себя. Это был не просто испуг перед бедой, а тяжёлая, изнуряющая болезнь, разъедавшая изнутри. И лечить её одними словами было бесполезно: тут требовалось терпение — тихое, упрямое, способное выдержать долгие месяцы молчания; время — которое не торопит, а даёт боли выцвести до бледной памяти; и правда — жёсткая, порой безжалостная, но единственно исцеляющая.

Мысли её скользнули к Алексею. Как неуловимо он изменился — будто сама эпоха ставила с него наивность, словно мягкий воск. Из мальчика, доверчиво глядевшего на мир распахнутыми глазами, он стал мужчиной, чьи решения теперь отзывались болью не только в его собственной судьбе. Она видела, как он борется — не с ветряными мельницами, а с тяжестью собственных ошибок; как рискует, бросаясь туда, где другие замирали от страха; как упрямо старается исправить то, что когда-то совершил, будто надеялся каждым новым шагом стереть прошлое.

А потом в памяти всплыл Ланской — с его ослепительной улыбкой, которая так легко обвораживала, и с той ледяной жестокостью, что пряталась за обаянием. Он не был заурядным мошенником, промышляющим мелочью: он был хищником — расчётливым, чутким к чужой слабости, умеющим превращать доверие в оружие. Его жертвы не были безликими цифрами в грязной тетради — это были люди, у каждого из которых билось сердце, жила душа, хранились сокровенные тайны. И он бесстыдно пользовался этим, играя на самом святом: на любви, что делала беззащитными; на страхе, что лишал воли; на надежде, что заставляла верить даже тогда, когда верить было нельзя.

Она думала о Бельском. О том, кто он. Что он. Почему покрывает Ланского. Что он получает. Деньги? Власть? Или просто удовольствие от того, что может управлять судьбами людей?

Она думала о себе. О том, что она ввязалась в опасное дело. Что её могут убить. Что её могут опозорить. Что её мастерскую могут сжечь. Что её брата могут посадить в тюрьму.

Но она не боялась. Странно, но она не боялась. Она знала: она делает правое дело. И если она погибнет — то погибнет за правду. А это — не самое плохое, что может случиться с человеком.

Она встала, подошла к иконе, перекрестилась.

— Господи, — прошептала она. — Дай нам сил. Дай нам мудрости. Дай нам правды. И помоги нам остановить зло. Аминь.

Она вернулась к столу, взяла перо и начала писать. План. Подробный. Пошаговый. Что делать. Кто что делает. Когда. Где. Как.

Она писала до утра. А когда закончила — откинулась на стуле и улыбнулась. План был готов. Оставалось только его выполнить.

Глава 4

План созрел к концу недели. Софья расписала его на трёх листах — мелким, убористым почерком, с пометками на полях, стрелками и вопросительными знаками там, где оставались сомнения. План был дерзкий. Настолько дерзкий, что Николай, прочитав его, присвистнул:

— Соня, ты либо гений, либо безумна — и, странное дело, сейчас я не могу сказать, что пугает меня сильнее.

— И то, и другое, — ответила она. — Но другого выхода нет.

Суть плана была проста: Алексей Дмитриевич должен был проникнуть в контору Ланского на Невском, найти сейф, спрятанный за картиной, и изъять оттуда бумаги — списки жертв, компромат, доказательства. Сделать это нужно было ночью, когда в конторе никого не будет. Но была одна загвоздка: контора охранялась. Не людьми — Ланский не держал сторожей, это было бы слишком заметно. Охрана была хитрее: массивная дверь с секретным замком, ставни на окнах и, главное, — привычка Ланского проверять дела поздно вечером. Он мог появиться в любой момент.

Софья распределила роли.

Алексей Дмитриевич — внутрь. Он имел доступ: Ланский дал ему ключ от чёрного хода, «на случай срочных поручений». Ключ был медный, тяжёлый, с затейливой бородкой. Алексей Дмитриевич носил его на шее, на шнурке, под рубашкой, и каждый раз, касаясь его, чувствовал, как холодеет внутри.

Николай — на улице. Он должен был следить за Невским, за переулком, за чёрным ходом. Если появится Ланский или его люди — подать сигнал.

Ефим — в редакции. Он ждал. Если всё пойдёт хорошо — он должен был получить бумаги и спрятать их в надёжном месте, о котором не знал никто, кроме него.

Софья — на подхвате. Она должна была находиться поблизости, в трактире на углу Невского и Малой Морской, и действовать по обстоятельствам. Какие это будут обстоятельства — никто не знал. Но Софья была готова ко всему.

— Главное, — сказала она на прощание, — не геройствуй. Если что-то пойдёт не так — уходи. Бумаги — не главное. Главное — ты. Живой.

Алексей Дмитриевич коротко кивнул — так, будто этим жестом хотел успокоить собеседника, поставить точку в разговоре. Но в его глазах читалось совсем другое: упрямое, почти немое обещание, которое не нуждалось в словах. Он не уйдёт. Не сейчас. Пока не найдёт списки жертв, компромат, доказательства, что приведёт к разгадке. Пока не докажет то, что другие предпочли бы оставить в тени. Пока не исправит то, что когда-то пошло не так, — даже если для этого придётся перевернуть всю контору.

Была ночь с четверга на пятницу. Петербург спал. На Невском гасли последние фонари, извозчики разъехались по домам, и только редкие прохожие — запоздалые чиновники, возвращавшиеся из гостей, да пьяные мастеровые, бредущие из трактиров, — нарушали тишину.

Контора Ланского помещалась в третьем этаже доходного дома на углу Невского и Караванной. Вывеска на двери гласила: «Контора М. А. Ланского. Торговля лесом. Комиссионные услуги». Вывеска была скромная, ничем не примечательная. Никто бы не подумал, что за ней скрывается одно из самых тёмных дел Петербурга.

Алексей Дмитриевич подошёл к чёрному ходу ровно в полночь. Он был в тёмном пальто, в фуражке, надвинутой на глаза, с фонарём — маленьким, потайным, какие используют воры и сыщики. Фонарь он купил накануне у знакомого Ефима, заплатив три рубля — почти всё, что у него оставалось.

Ключ вошёл в замок легко. Дверь открылась без скрипа. Алексей Дмитриевич шагнул внутрь и прикрыл за собой дверь. Внутри было темно. Пахло пылью, старыми бумагами и чем-то ещё — кислым, неприятным, как запах застарелого пота.

Он зажёл фонарь. Тусклый жёлтый свет выхватил из темноты коридор: узкий, с облупившимися стенами, с дверями по обе стороны. Алексей Дмитриевич знал, куда идти: кабинет Ланского был в конце коридора. Он видел его, когда приходил сюда днём, чтобы передать деньги.

Он шёл медленно, ступая на носки, прислушиваясь к каждому шороху. Дом спал. Только где-то наверху скрипели половицы — может быть, крысы, может быть, кто-то из жильцов. Алексей Дмитриевич старался не думать об этом.

Кабинет Ланского был заперт. Но у Алексея Дмитриевича был и второй ключ — от кабинета. Ланский дал его ему месяц назад, когда просил «разобрать бумаги». Тогда Алексей Дмитриевич не придавал этому значения. Теперь — понял: судьба.

Он открыл дверь. Кабинет был большой, с окном на Невский, занавешенным тяжёлыми шторами. Стол, кресла, шкаф с бумагами, полка с книгами. На стене — картина: пейзаж с рекой и лодкой. Ничего особенного. Обычная картина.

Алексей Дмитриевич подошёл к картине. Снял её с гвоздя. За ней — стена. Обычная стена, оклеенная обоями. Но один кусок обоев чуть отличался по цвету. Алексей Дмитриевич нажал на него. Обои подались. За ними — металлическая дверца. Сейф.

Сейф был заперт. Но Ланский, самонадеянный, не поставил на него сложный замок. Простой, английский, с тремя цифрами. Алексей Дмитриевич задумался. Какие цифры? Дата? Год? Он попробовал 1876 — год, когда всё началось. Не подошло. Попробовал 1868 — год, когда Ланский приехал в Петербург. Не подошло. Попробовал 123. Не подошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.